

— В особняк. Быстро.

Кассиус свирепо отдал приказ и вскочил в карету. Как только дверь захлопнулась, карета резко рванула с места, и Кассиус про себя цокнул языком. Линдель, лежавший в его объятиях, буквально дрожал всем телом.

— Всё будет хорошо.

Попытался успокоить, откинув назад влажную от пота прядь волос, но даже это, похоже, было раздражителем - Линдель максимально сжал плечи. Кассиус, имевший иммунитет к препаратам, не знал, какое возбуждение вызывает афродизиак. Но слишком хорошо знал, насколько чертовски мерзко, когда тело не слушается. И если это происходит не по своей воле, а по воле других, это было делом, от которого злость поднималась до кончиков волос.

Кассиус мог сказать только одно.

— Прости.

— Мм...

Даже тихое дыхание, шепчущее извинения, касающееся уха, Линдель не мог вынести, поэтому зарылся головой в грудь Кассиуса и закрыл глаза. Казалось, сойдёт с ума от незнакомого и в то же время знакомого ощущения, охватившего тело. Хотелось скорее потерять сознание.

Даже в головокружении понял, о чём шёл разговор между Кассиусом и пожилым врачом. Сказали, что он отравился афродизиак. В храме в основном имели дело с травами, снижающими жар и заживляющими раны. Но всё же, изучая фармакогнозию, узнал о действии всевозможных трав.

Афродизиак. Возбудитель, помогающий близости мужчины и женщины.

Лекарство в зависимости от использования становилось и лекарством, и ядом. Ингран говорил, что афродизиак, если использовать неумеренно, может привести и к смерти. И у афродизиака не было противоядия.

Линдель действительно думал, что может задохнуться. Охваченное жаром тело теперь даже болело. Особенно полностью возбуждённый член был буквально на грани взрыва.

Мысль о том, чтобы поскорее дотронуться и достичь оргазма, овладела головой. Но в ситуации, когда он цеплялся за Кассиуса, не мог совершить такое неприглядное действие. Линдель отчаянно кусал губы, сдерживаясь, но тяжёлое дыхание продолжало вырываться.

— Хаа...

Думая, что от мучений могут пойти слёзы, действительно потекли слёзы. От сводящего с ума чувства крепко сжал руку, вцепившуюся в воротник Кассиуса. Насильно терпел, думая, что если только вернуться в особняк, как-нибудь справится, как вдруг рука Кассиуса провела по бедру.

— Ах.

Горячее дыхание само по себе вырвалось наружу. Тем временем рука Кассиуса направилась к более интимному месту внутри. Казалось, душа буквально улетит.

— Не нужно сдерживаться.

Дыхание Кассиуса снова коснулось уха.

— Не... хочу.

Мотал головой, говоря "не хочу", извивал тело, но не мог вырваться из его объятий. Нет, не хотел вырваться. Большая рука, гладившая бедро через одежду, отчётливо ощущалась. Тело, желавшее ещё большей стимуляции, вздрагивало.

— Всё хорошо. Здесь только я.

Словно шептал дьявол. В трясущейся карете были только Кассиус и он сам. Никто не знал, если он будет дрожать от его прикосновений. Хотелось попросить коснуться ещё, но одна часть головы продолжала останавливать, что это постыдное дело.

— Могу терпеть... Мм.

— Вот упрямец.

Пытался отстраниться назад, но Кассиус не отпускал. Наоборот, его рука схватила возбуждённый член. Тело снова дёрнулось.

— Мм.

— Вيني меня.

Приказ винить был ужасно сладким, но прикосновения были безжалостными. От руки, сильно сжимавшей член, оргазм наступил мгновенно. Не успев почувствовать облегчение, рука Кассиуса продолжала держать член и продолжала двигать.

Стыд и смущение от того, что кончил в одежде от руки другого человека, долго не задержались в голове Линделя. От продолжающейся стимуляции в голове вспыхивало, и совсем не было ясности мысли. Тело просто содрогалось от бесконечного наслаждения.

— Аа. Мм. Ах. Ахх. Пожалуйста...

Изо рта сами собой лились стоны. Был ли это мольба коснуться ещё, или отказ отпустить – Линдель и сам не знал. Охваченная жаром голова была совершенно в беспорядке. Обида, непонятно от чего, и смущение смешались, и снова приблизился яркий конец. Линдель не стал старательно удерживать уплывающее сознание.

— Вот чёрт.

Кассиус, крепко держа обмякшее тело Линделя, тихо цокнул языком. Несмотря на то что кончил уже дважды, член Линделя был в возбуждённом состоянии. Конституция, чувствительно реагирующая на афродизиак, – это была проблема, не решаемая простым оргазмом.

— Мм... нн...

Линдель даже в бессознательном состоянии продолжал гореть жаром и желать стимуляции. Жалкий и жалостный вид ещё больше пробуждал чувство вины. Думая, что возня в карете не подходит Линделю, гладил спину. Линдель чувствительно реагировал на слабую ласку.

Кассиус без прямой стимуляции довёл тело Линделя до крайнего жара. Тем временем карета остановилась. Убедившись, что прибыли в особняк, Кассиус снова взял Линделя на руки и двинулся.

Войдя в вестибюль особняка, появилась госпожа Эшин.

— Ваше Величество? Молодой господин где-то болен?

— Позови Сетуа. Скажи, что отравился афродизиакком.

Кассиус отдал приказ следовавшему за ним слуге. Сетуа, умевший использовать даже исцеляющую магию, был сведущ и в медицине. Особенно глубоко разбирался в фармакогнозии - если бы открыл больницу, мог бы создать целую династию.

Слово "афродизиак" поразило госпожу Эшин.

— Боже. Афродизиак? Молодой господин?

— Подготовь воду для ванны. Потом нужно будет помыть Линделя.

— Ваше Величество. Это не комната молодого господина.

Когда Кассиус, поднявшийся на второй этаж, направился в левый коридор, госпожа Эшин остановила его. Но Кассиус направлялся не в комнату Линделя, а в свою собственную.

Госпожа Эшин, понявшая намерение Кассиуса, торопливо остановила его.

— Так нельзя. Вас возненавидят.

Она знала, что Линдель и Кассиус не были настоящими возлюбленными. Переспать с человеком, не в себе от афродизиака, - это то, чего не должны были делать даже настоящие возлюбленные.

— Пусть ненавидит, ничего не поделаешь. Он сейчас задыхается же.

— Ваше Величество.

— Когда прибудет Сетуа, позови.

Яростно зарывчав, Кассиус, оставив госпожу Эшин, вошёл в свою комнату и крепко закрыл дверь. В комнате, где не горел свет, было темно. Кассиус, не обращая внимания, положил Линделя на кровать и начал раздевать его.

Кассиус знал, что делает мерзкое дело, которое сделал бы негодяй, и поэтому был довольно зол на самого себя. Но другого способа не было. Если оставить Линделя мучиться в одиночку, неизвестно, что могло произойти. Приставить к нему женщину изначально не обсуждалось.

— Так что прости.

Хоть это и были не те слова, что говорят человеку без сознания, Кассиус всё же прошептал максимально нежно. Снял пальто, отшвырнул жилет и галстук. Расстегнув рубашку и лаская голую кожу, Линдель издал тихий стон.

Стянув брюки и нижнее бельё, наружу показался возбуждённый член. Член, насквозь

пропитанный смазкой, показывал, насколько возбуждён Линдель. Кассиус вместо того, чтобы напрямую трогать член, начал медленно поглаживать бедро.

Из-за того что не зажёт свет, комнату освещал только лунный свет. В бесконечно тихой темноте было видно, как щёки и шея Линделя покраснели от жара. Когда слегка помял тонкий живот, почувствовал, как под рукой дёрнулись мышцы. Стоны стали глубже.

Кассиус, сидевший рядом с Линделем и наполовину обнимавший его сверху, был озадачен наслаждением, которое давали ощущения.

Не ожидал, что юноша, стонущий в жару, окажется настолько соблазнительным.

Настолько, насколько не любил близости с людьми, сексуальное желание Кассиуса было умеренным. Но из-за благородного происхождения никогда не приходилось старательно подавлять свои желания. Наслаждение на одну ночь было лёгким делом, и партнёром всегда была женщина. Его привлекали только женщины со сладкими и мягкими телами, на мужчин даже не смотрел.

— Жарко...

Кассиус на мгновение потерял взгляд на светло-розовых губах Линделя, жалующегося на жар, и глубоко вдохнул. Запах тела Линделя сгустился от пота и жара. Хоть это был не парфюм, а настоящий запах плоти, он был сладким.

Осознал, что ласкать обнажённого Линделя – нечто совершенно особенное. Он был дибитие. Живой артефакт сдерживания маны. Контакт с ним приносил эффект пробуждения. Прояснившаяся голова полностью осознавала наслаждение.

— Чёрт.

Ругательство вырвалось, как стон. Иначе это было не чем иным, как совращением юного подопечного. Кассиус, думая, что так нельзя, убрал руки от Линделя. Если в этой ситуации ещё и войдёт в течку, не сможет простить себя.

В этот момент Линдель, издававший тихие стоны, затрепетав длинными ресницами, открыл глаза. В глазах, полных слёз, не было фокуса.

— Жарко.

— Да.

— Не могу терпеть.

Голос с размытым произношением был охвачен жаром. Линдель, ворочаясь и извиваясь, снова закрыл глаза. Слёзы, что набухали, всё-таки потекли по щекам. Кассиус, словно загипнотизированный, вытер слёзы рукой, погладил щёку и проглотил горькую усмешку.

Казалось, ночь будет долгой.

Медленно приходя в сознание, Линдель почувствовал, что что-то не так. Синеватость рассвета была привычной. Но у окна стояла не ваза с цветами, а статуя. Не было видно вазы, которую видел каждый день последний месяц. К тому же узор на шторах был другим. Госпожа Эшин говорила, что летом зелёный цвет, и так украсила комнату. Но здесь был синий.

Одновременно с осознанием, что это не его комната, Линдель вспомнил, что произошло прошлой ночью.

Боже.

Линдель, даже не крикнув, резко сел на кровати. Глаза опухли, и зрение было ужасным, но Линдель осмотрелся. Заметил, что на нём надета рубашка и брюки, которые обычно носил как пижаму. И обнаружив Кассиуса, сидевшего на стуле на противоположной стороне кровати, застыл.

— Проснулся.

— Да...

Голос в ответе звучал странно даже для него самого. Кассиус поднялся с места. Глядя на него, одетого в совершенно другую одежду, чем прошлой ночью, снова вспомнилось, что произошло прошлой ночью. Помнил всё – от того, как выпил шампанское с афродизиаксом и потерял сознание, до того, что произошло в карете. И обрывки того, что было на кровати, проносились в голове.

Было настолько стыдно, что казалось, голова взорвётся. Шокировало. Кончить от прикосновений другого человека уже было удивительным, но партнёром был Кассиус. Не мог справиться ни с тем, что это мужчина, ни с тем, что это император. К тому же от воспоминаний о том, что произносил собственным ртом, казалось, задыхается.

Линдель, наблюдавший, как приближается Кассиус, не мог смотреть на него и украдкой отвёл взгляд в сторону. Тем временем Кассиус присел на край кровати.

— Как тело? Голова не кружится?

— Всё хорошо.

— Нужно говорить, глядя на меня.

Линдель волей-неволей посмотрел на Кассиуса. Не мог остановить то, как лицо горело от неловкости, сожаления и стыда. Ещё больше от того, что вспомнилось, как несколько раз достигал оргазма от его прикосновений. Линдель выдавил голос.

<http://bllate.org/book/14975/1431492>